

Второй
1903
VIII Го.
г. Москва

Для отзыва.

Д. Н. Чюмиха.

ОСЕННИЕ ВИХРИ

СТИХИ.

1908.

Електропечатня Я. Левенштейнъ, Екатерингофскій пр., 10—19

Осенніе вихри

1906—1907 гг.

Осенніе вихри

I.

Вчера надъ верхушками бора
Заря догорала свѣтло,
И гладь водяного простора
Прозрачна была, какъ стекло.

И солнце въ красѣ заходило,
И медлила влажная тѣнь,
Казалось, что небо сулило
На завтра безоблачный день.

Сегодня изъ темнаго лѣса
Несется свистъ бури и стонъ,
Холоднаго ливня завѣса
Закрыла отъ глазъ небосклонъ.

Промчалось съ убійственной силой
Дыханіе бурь грозовыхъ,
И сдѣлалась чаша—могилой
Для многихъ деревъ молодыхъ.

— — —
Вонъ тамъ, гдѣ кустарники рѣдки.
Губительной молніи цѣль—
Упала раскинувши вѣтки,
Прекрасная стройная ель.

— — —
Дубъ юный лежитъ какъ подрубленъ,
А рядомъ—надломленный кленъ,
Кудрявый орѣшникъ загубленъ,
И весь почернѣлъ, опаленъ.

— — —
Какъ трупы въ сраженьи убитыхъ
Лежатъ средь ненастья и мглы
Деревьевъ, грозою разбитыхъ,
Цвѣтушихъ деревьевъ стволы!

II.

Въ тотъ часъ, когда огнями блещеть
Театръ съ нарядною толпой,
И зритель шумно рукоплещеть
Развязкѣ драмы роковой.

Когда подъ бременемъ страданій
Актеръ на сценѣ изнемогъ,
И онъ подъ громъ рукоплесканій
Сказалъ предсмертный монологъ.

Въ тотъ часъ въ тюрьмѣ, гдѣ все угрюмо,
Послѣдній актъ идетъ къ концу,
И обреченный тамъ безъ шума
Встрѣчаетъ смерть лицомъ къ лицу.

Никто ему не рукоплещеть,
Тамъ ужасъ сердце леденить,
И лишь волна во мракъ плещеть
И въ мукахъ бьется о гранить.

III.

Все тотъ же садъ, но что-то въ немъ иное,
Блѣднѣй—лазурь небесной синева,
И дуновение смерти ледяное—
Я слышу въ шорохѣ листвы.

— — —

Сегодня нитями прозрачной паутины
Какъ саваномъ окутаны кусты,
И первый утренникъ, дохнувшій на куртины—
Убилъ расцвѣтшіе цвѣты.

— —

О, сколько ихъ—такихъ же юныхъ, нѣжныхъ,
Валелѣянныхъ рукой родной—
Погибнуть вдаль, среди сугробовъ снѣжныхъ,
Подъ вихремъ бури ледяной!

— — —

И въ этотъ день, холодный и прозрачный,
Когда морозомъ тронуты листы—
Припоминается больнѣй вашъ жребій мрачный,
Безвременно погибшіе цвѣты!

IV.

Надъ морями темносиними,
Надъ безбрежными пустынями
Птицы тянутся на югъ,

Вихри буйные, удалые,
Гонять листья запоздалые
Подъ напѣвъ осеннихъ вьюгъ.

— —

Духомъ смерти все развѣяно—
Все что радостно валелѣяно
Лѣтомъ краснымъ и весной.

Въ ночь глухую, въ ночь холодную
Вихрь поетъ ему отходную
На прогалинѣ лѣсной.

— —

V.

Вихрь за окномъ реветъ какъ звѣрь голодный
Гнететь тоска... О, сердце, замолчи!
Отъ вѣянья струи холодной
Колблется огонь моей свѣчи.

Унести ее? Но, можетъ быть, во мракѣ
Блуждаетъ кто-нибудь—усталъ и одинокъ,
И для него, какъ пламя на маякѣ,—
Горитъ мой слабый огонекъ.

Пусть теплится. Миражъ отдохновенья
Манить порой, но время—не для сна,
И новыхъ бурь мы чуемъ дуновенье,
И новая вздымается волна.

VI.

Заря рождалась надъ землею,
А смерть незримой шла стезей,
И кровь съ алѣющей зарею
На землю брызнула струей.

Жемчужнымъ облакомъ взвиваясь,
Клубился къ небу легкій дымъ,
И таялъ въ небѣ расплываясь,
Лучемъ пронизанъ золотымъ.

И шевелилъ покрововъ складки
Осенній вихрь, какъ будто вновь
Хотѣлъ поднять покровъ съ загадки:
За что здѣсь пролилася кровь?

Листопадъ.

1.

Раздвинулись тучи густыя,
Лучъ солнца упалъ съ высоты,
Кружатся листы золотые,
Съ деревъ облетаютъ листы.

Въ паденіи ихъ молчаливомъ
Покорная дышетъ печаль,
Прозрачно жемчужнымъ отливомъ
Подернулась блѣдная даль.

Кой-гдѣ остріями соломы
Щетинится поле вдали,
Вѣтвей обнаженныхъ изломы
Мѣстами висятъ до земли.

Безжалостный слѣдъ урагановъ!
Но солнечный лучъ въ вышинѣ,
Прорвавшій завѣсу тумановъ—
Мечта о далекой веснѣ.

2

2.

Стараго парка молчаніе,
Вѣтра чуть слышится вѣдохъ,
Стихло подъ горкой журчаніе,
Быстрый ручей пересохъ.

Чашею блѣдно лазурною
Кажется здѣсь небосклонъ,
Въ чашѣ межъ старыхъ колоннъ —
Статуя: дѣвушка съ урною.

Статуя словно расколота.
Цоколь ея поврежденъ,
Падаютъ въ урну время
Листья червоннаго золота.

Въ вѣчность уходятъ часы,
И въ уходящемъ мгновеніи—
Жизни былой дуновеніе,
Призракъ минувшей красы.

Бурною ночью.

Въ осеннія ночи, зловѣщія ночи
Подъ жалобы вѣтра и звуки пальбы,
Подолгу порой не смыкаются очи,
И пламенно рвутся изъ сердца мольбы,

За всѣхъ, изнемогшихъ подъ крестною ношей.
За узниковъ блѣдныхъ въ высокихъ стѣнахъ,
За всѣхъ, чьи пути засыпаетъ порошей,
За всѣхъ, погибающихъ въ бурныхъ волнахъ!

Темны и бурливы холодныя волны,
Весло выпадаетъ изъ рукъ у гребцовъ,
А скалы, какъ стражи нѣмые—безмолвны.
Свидѣтели муки предсмертной борцовъ.

И вслѣдъ за тяжелыми темными снами,
За ночью осеннею вслѣдъ—
Безрадостно солнце взойдетъ надъ волнами,
Оставивъ пурпуровый слѣдъ.

Въ туманѣ.

Густой туманъ, какъ саванъ желтоватый,
Надъ городомъ повисъ: ни ночь, ни день!
Свѣтъ фонарей—дрожащій, красноватый—
Могильную напоминаетъ сѣнь.

Въ туманѣ влажномъ сдвленно и глухо
Звучать шаги и голоса людей,
И позади тревожно ловить ухо
Горячее дыханье лошадей.

Подъ инеемъ—рядъ призраковъ туманныхъ—
Стоять деревья бѣлыя въ саду;
Межъ призраковъ такихъ же безъимянныхъ
Въ толпѣ людей я какъ во снѣ иду.

И хочется, какъ тяжкій сонъ кошмарный,
Тумана влажный саванъ отряхнуть,
Чтобъ сумерки смѣнилъ день лучезарный
И ясно вновь могли мы видѣть путь.

З В Ъ З Д Ы.

1.

—Отчего, о звѣзда мудрецовъ,
Ты надъ кровлей лачугъ и дворцовъ
Такъ печально восходишь въ туманъ?

— —

«Черный призракъ стоитъ на полянѣ,
И затмила тѣнь злая вражды
Свѣтлый блескъ виолеемской звѣзды».

— —

—Отчего, о звѣзда пастуховъ,
Ты—залогъ искупленья грѣховъ,
Не сияешь съ любовью надъ міромъ?

— —

«Слышу: пастырей черныхъ уста
Проклинають во имя Христа,
И насилье имъ стало кумиромъ».

— —

—Отчего, о звѣзда мудрецовъ,
Въ темномъ небѣ надъ сумрачной чашей
Ты повисла слезою дрожащей?

— —

«На могилы погибшихъ борцовъ
Лучъ мой блѣдный, какъ слезы, струится,
И какъ саванъ снѣговъ серебрится
На могилахъ погибшихъ борцовъ».

2.

Звѣзда предутреннихъ тумановъ,
Крикъ пѣтела въ полночный часъ—
Отъ навожденья, злыхъ обмановъ,
Отъ чаръ ночныхъ будите насъ.

Подъ власть неодолимой дремы
Ужель мы такъ же подпадемъ,
Какъ Петръ, пришедшій за Вождемъ
Къ первосвященнику въ хоромы?

Нѣтъ, будемъ бодрствовать въ ночи,
Чтобъ не смутилъ насъ крикомъ пѣтель,
Чтобъ бодрый духомъ каждый встрѣтилъ
Разсвѣта алаго лучи!

С н ѣ г а

Безжалостно потоптаны врагами,
Подъ саваномъ снѣговъ лежать поля,
Подъ бѣлыми, подъ мертвыми снѣгами
Погребена цвѣтущая земля.

И предана подъ бѣлой пеленою
Она во власть жестокимъ чернымъ снамъ,
И содрогаясь всею глубиною,
Ждетъ гибели весеннимъ сѣменамъ.

Сгущаются ползучіе туманы,
Болотныхъ испареній острый ядъ,
Бездѣйствія тяжелые дурманы—
Ужель ростки отравой напоятъ?

Нѣтъ, все живетъ, въ чемъ есть зародышъ жизни,
За темнымъ вслѣдъ—приходитъ свѣтлый голь,
На мертвые снѣга лучами брызны,
О животворный солнечный восходъ!

Т у м а н ы

1)

Еще не палъ покровъ туманный
На заалѣвшіе снѣга,
О свѣтъ вечерній, необманный,
Залившій жизни берега!

Ночная мгла еще покуда
Не охватила небеса,
И я туда гляжу, откуда
Сіяетъ вѣчная краса.

Плывутъ видѣнья: башни, замки—
Въ пурпурномъ блескѣ облака...
И даль, раздвинувшая рамки—
Такъ безконечно широка.

Все потонуло въ блескѣ аломъ,
И говорятъ душѣ они
О незакатномъ, небываломъ—
Заката яркіе огни.

2)

Съ тяжкой въ сердцѣ ношею
Трудно вамъ идти,
Замело порошею
Въ полѣ всѣ пути.

Зыбкими туманами
Все заволокло,
И на васъ обманами
Ополчилось зло.

Вамъ грозитъ засадою
Каждый смѣлый шагъ:
Не знакомъ съ пошадю
Безпошадный врагъ.

Но во мглѣ идушаго
Ждетъ заря побѣдъ.
Онъ борцамъ грядущаго
Пролагаетъ слѣдъ.

3)

Туманъ. Узоры чуть замѣтные
Морозъ выводитъ на стеклѣ...
Какъ грустны мысли предразсвѣтныя
Въ туманной предразсвѣтной мглѣ!
Какъ тѣни сна, желанья тщетныя,
Какъ призраки, встають въ умѣ,
И угасають—безотвѣтныя
Они въ холодной полу-тѣмѣ.

Ночною дремой заколдована,
При свѣтѣ утренней звѣзды,
Жизнь просыпается—окована
Цѣпями скорби и нужды.
И вздохъ ея при пробужденіи,
Проникшій внутрь глухихъ домовъ—
И гулъ, и грохотъ, и гудѣніе—
Звучить какъ лягъ ея оковъ.

Памяти Надсона

Когда въ ночи глухой и душевной
Громъ отдаленный рокоталъ,
И въ страхѣ путникъ малодушный
Передъ бѣдою трепеталъ;

Когда, казалось, безъ возврата
Угасъ въ быломъ свободы свѣтъ,—
Въ защиту страждущаго брата
Ты вышелъ, юноша-поэтъ.

Ты пѣлъ ему во мглѣ темницы,
Его страданьемъ ты страдалъ,
Но перваго луча денницы
Твой скорбный взоръ не увидалъ.

Ты не видалъ рѣки разлива,
Прорвавшихся весеннихъ водъ,
Когда, свободна и бурлива,
Волна ломаетъ зимній ледъ.

Не слышалъ ты, какъ буря съ плескомъ
Неслась чрезъ горы и лѣса,
И новыхъ зорь багрянымъ блескомъ
Вдругъ запылали небеса!

Пусть тучи снова набѣжали,—
Для тьмы ночной возврата нѣтъ,
Разбиты старыя скрижали,
Да сгинетъ тьма! Да будетъ свѣтъ!

Мертвый штиль

Сводъ небесный взорамъ истомленнымъ
Кажется расплавленнымъ стекломъ,
И повисъ подъ небомъ раскаленнымъ
Парусъ нашъ подстрѣленнымъ крыломъ.

Тяжкій сонъ окутываетъ тѣло,
Духъ живой—у скорби злой въ плѣну,
Но дыханье вихря налетѣло,
Всколыхнувъ дремотную волну.

Новыхъ бурь чудесный провозвѣстникъ—
Ипуская возгласъ боевой,
Надъ волной пронесся буревѣстникъ,
И проснулся спящій рулевой.

Видитъ онъ: лучи зарницы блещутъ
И затишью отошелъ чередъ,
Развернулся парусъ, и трепещетъ,
И волна уносить насъ впередъ!

Пробужденіе весны

1.

Тревожны вешніе закаты!
Горитъ румянцемъ талый снѣгъ,
Горятъ сердца у насъ, объаты
Воспоминаньемъ вешнихъ нѣгъ.

Изъ дивныхъ градовъ затонувшихъ
Несется звонъ колоколовъ,
Такъ отголоскомъ дней минувшихъ
Звучитъ напѣвъ знакомыхъ словъ.

Они волнуютъ, вызываютъ
Изъ душныхъ комнатъ на крыльцо,
И легкимъ вѣтромъ обвѣвають
Разгоряченное лицо.

Въ нихъ слышится напоминанье
О свѣтлыхъ мысляхъ и дѣлахъ,
Какъ въ поэтическомъ сказаньѣ
О слышанныхъ въ ночномъ молчаньи
На днѣ морскомъ колоколахъ!

2.

Какъ лепестки акацій бѣлые
Весной отъ вѣтра облетаютъ,
Снѣжинки легкія, несмѣлыя—
Кружатся въ воздухѣ и тають.

Исходитъ трепеть пробужденія
И вѣтъ влагой отъ проталинъ,
Звонъ капель въ мѣрномъ ихъ паденіи—
И переливчатъ, и хрустальнъ.

И тѣ же звоны переливные
Въ прозрачномъ воздухѣ роятся,
Ручьи весенніе, призывные—
Съ побѣдной пѣснею струятся!

Съ послѣдними лучами алыми
Земля сѣдую сброситъ дрему,
И твердь лучами вспыхнетъ алыми
На встрѣчу солнцу золотому!

3.

Прилетѣли сюда изъ цвѣтушей земли,
Высоко въ небесахъ пронеслись журавли.

— —

Прилетѣлъ вѣтерокъ изъ свободной земли,
Всколыхнулъ паруса, понеслись корабли.

— —

Онъ снѣга растопилъ, и по лику земли,
Словно теплыя слезы, ручьи потекли.

— —

И звенять ручейки о лучахъ, о теплѣ,
И о томъ, какъ свѣтла станетъ жизнь на землѣ,

— —

Какъ ворвется въ окно вольный вѣтеръ степей
И растопить, какъ снѣгъ, онъ желѣзо цѣпей,

— —

И на встрѣчу ему встрепенутся сердца,
И цвѣты расцвѣтутъ на могилѣ борца.

1902—1905
Album-Blätter.

Предчувствіе

Въ лѣсу стоятъ сѣдыя сосны;
Ихъ мѣднокрасная кора
Покрыта слоємъ серебра;
Имъ грезятся былыя весны

И гомонъ радостный въ лѣсахъ,
Броженъе соковъ животворныхъ
И звонкій бѣгъ ключей проворныхъ,
Съ улыбкой солнца въ небесахъ!

Но снѣговыя облака
И снѣгъ, лежащій пеленою,
И стужа съ мертвой тишиною—
Все говоритъ, что смерть близка.

И, потрясень до основанья,
Застонетъ глухо темный боръ,
Когда средь мертваго молчанья
Вдругъ застучитъ въ лѣсу топоръ.

И пробѣжитъ тревожный шорохъ
Въ вершинахъ сосенъ вѣковыхъ,
Какъ вѣсть о смертныхъ приговорахъ
Неотвратимо роковыхъ.

У сѣвернаго моря

1.

Надъ моремъ сѣвернымъ лежитъ покровъ тумана,
И монотонный гулъ катящихся валовъ—
Протяжный и глухой—звучить, какъ громъ органа,
Немолчной жалобой, стенаніемъ безъ словъ.

— —

И тутъ же море мнѣ припомнилось другое:
Какъ за аккордомъ вслѣдъ идетъ другой аккордъ—
Смѣнялись тамъ валы въ ликующемъ прибоѣ,
И шумъ ихъ былъ пѣвучъ, и радостенъ, и гордъ.

— —

Тутъ стонъ—отчаянья, тяжелый и недужный,
И заглушенная безсильная борьба,
А тамъ—свободы пѣснь, порывъ восторга дружный,
И страсть могучая, и грозная борьба!

Г р е б е ц ъ .

Во мракѣ вѣтеръ бушевалъ,
Грядой клубились тучи,
И грозно шель за валомъ валъ,
Вдали чернѣли кручи.
Гребецъ ужъ выронилъ весло,
Иломанъ руль сначала,
И вотъ другое унесло,
Волна его умчала.
И легъ пловецъ на дно челна,
Скрестилъ спокойно руки,
Пускай несетъ его волна
Въ страну, гдѣ нѣтъ разлуки.
И пѣсню громкую запѣлъ
Онъ въ честь морской дружины:
—Хвала тому, кто—духомъ смѣлъ
Переплыветъ пучины!
Хвала и гибнущимъ въ пути,
Кого умчали воды!
Лети, ладья моя, лети
Туда, въ страну свободы!

Высохшій ручей.

Весной въ травѣ журчалъ ручей
Подъ вѣчной зеленью крушины,
Съ зарей звенѣли тамъ кувшины,
Имъ вторилъ смѣхъ и звукъ рѣчей,
И топотъ стадъ у водополя...
Но вотъ, подъ жгучимъ игомъ зноя,
Изякла свѣтлая струя:
Безводнымъ ложе у ручья
Такимъ сухимъ и жесткимъ стало,
Какъ взоръ, давно не знавшій слезъ,
Глядящій мутно и устало.
Его песокъ полузанесъ,
И онъ оставленъ и покинутъ—
Пока изъ тучи грозовой
Опять струи воды живой,
Какъ слезы жгучія, не хлынуть.

Изъ крымскихъ набросковъ.

І. П О Т О К Ъ.

Прошедшимъ лѣтомъ здѣсь сочилась
Едва замѣтная струя;
Она по желобу струилась,
Растенья чахлыя поя.
И что-жъ весной я вижу нынѣ?
Съ высотъ бушующій потокъ
Стремится съ грохотомъ къ долинѣ,
Неся каменя и песокъ.
Ломая крѣпкія ограды,
Деревья цѣлыя крутя,
Онъ разрушаетъ всѣ преграды—
Салгира буйное дитя.
Онъ родился отъ вешнихъ ливней,
Его питаетъ горный снѣгъ,
Все безудержнѣй, непрерывнѣй
Его неукротимый бѣгъ.
Въ землѣ таившійся—оттуда
Побѣдоносно рвется въ ширь--
Изъ заключенья силой чуда
Освобожденный богатырь.

II. ЛУННЫЙ СЛѢДЪ.

Надъ моремъ—полная луна;
 Подобный бороадѣ—
Слѣдъ лунный бросила она,
 Дробящийся въ водѣ.
И мы плывемъ въ лучахъ луны,
 Внимая тишинѣ,
Лишь весель нашихъ чуть слышны
 Удары по волнѣ.
Куда ведетъ насъ лунный слѣдъ—
 Въ потерянный ли рай:
Въ обитель милыхъ дальнихъ лѣтъ
 Полузабытый край?
Тамъ—вѣчно ясенъ небосводъ,
 Тамъ—дивной сказки свѣтъ.
Но въ этотъ край закрыть намъ входъ,
 Туда—возврата нѣтъ,
Его мы юностью зовемъ,
 Мечтой къ нему летимъ,
И этотъ край, пока живемъ—
 Для насъ невозвратимъ.
Но есть страна за далью дней,
 Таинственно-свѣтла,
И тихо приближаетъ къ ней
 Насъ каждый взмахъ весла.

III. Вечеръ.

1.

Солнце зашло. На просторѣ
Зыбь золотая пропала...
Блѣдное нѣжное море,
Небо—въ оттѣнкахъ опала.

Стихло. Блѣднѣй и невѣрнѣй
Горныхъ вершинъ очертанья,
Тонетъ въ печали вечерней
Дня золотого блистанье.

Море вздыхало
Словно во снѣ,
И въ вышинѣ
Пальмъ опахало
Чуть трепетало..
Море устало
Вѣчно шумѣть,
Вздумалось волнамъ
Въ сумракѣ полномъ
Вдругъ онѣмѣть,
Стихнуть, не биться,
Сномъ позабыться.
Завтра валы,

Будто на приступъ—
Грянуть о выступъ
Темной скалы.
Завтра воспрянетъ
Спящій прибой:
Сызнова грянетъ
Утренній бой!

Наканунѣ увяданья.

1894 — 1897.

I.

Обвѣялъ утренникъ суровый
Своимъ дыханіемъ цвѣты,
Межъ темной зеленью дубовой
Мелькнули желтые листы;

Цвѣтушій лугъ ужъ дважды скошенъ
И обмелѣла глубь озеръ,
Но такъ сіяющъ и роскошенъ
Природы царственный уборъ;

Такъ ослѣпительны въ немъ краски,
Такая жизни полнота,
Такая прелесть тихой ласки
Въ ея улыбокѣ разлита;

И наканунѣ разрушенья
Такъ обаятеленъ расцвѣтъ—
Какъ будто смерти дуновенья
Надъ нею не было и нѣтъ.

II.

Какъ прежде, ясенъ сводъ лазури
Она прозрачно глубока,
И лишь предвѣстниками бури—
Вдали клубятся облака.

Въ лучахъ заката рдѣютъ клены
И гроздя красныя рябинъ,
И улыбаются піоны
Изъ темной зелени куртинъ.

Въ разгаръ ликующаго лѣта
Природа, дивно молода,
Такого пышнаго расцвѣта
Не достигала никогда.

И подъ угрозою ненастья,
На пиръ послѣдній убрана—
Изъ кубка жизни, кубка счастья
Еще полнѣе пьетъ она.

III.

Блеклые листья, дрожа, осыпаются съ вѣтокъ,
Землю вокругъ устилая пурпурнымъ ковромъ,
Всюду—узоръ паутины серебряныхъ сѣтокъ,
Небо раскинулось блѣднымъ шатромъ.

Смолкли съ зарею призывы пастушьей свирѣли,
Вѣтъ тоской отъ безмолвныхъ покинутыхъ гнѣздъ,
Гроздья рябины все ярче въ саду заалѣли,
Ярче ночами сіяніе звѣздъ.

Легкая мгла, какъ куренья подъ сводомъ
 моленъ,
Къ небу клубится и таетъ въ его высотѣ,
Листъ уцѣлѣвшій попрежнему ярокъ и зеленъ,
Нѣтъ только жизни въ его красотѣ.

Все такъ прекрасно, но странной красой
 увяданья.
Все говоритъ о покоѣ, о тихомъ концѣ,
Въ блѣдной лазури осенняго солнца сіянѣе—
Словно улыбка на мертвомъ прекрасномъ
 лицѣ.

IV.

Осенніе вихри и грозы
Смѣнились холоднымъ дождемъ;
Осеннія частыя слезы
Струятся на землю ручьемъ.

И это—не ливень весенній,
Шумящій въ лѣсу молодомъ,
Сбивающій завязь сиреней
И сохнущій съ первымъ лучемъ.

Не дождь благотворный, обильно
Пролившійся вдругъ на поля,
Когда изнывала безсильно
Отъ лѣтняго зноя земля.

Поникнувъ уныло вѣтвями,
Шумить растревоженный боръ,
Осенними плачетъ слезами
Небесъ омраченныхъ просторъ.

Какъ сумракъ и смерть неизбежны
Струятся они сквозь туманъ,
Какъ старость—они безнадежны,
Печальны—какъ счастья обманъ.

Разлука.

Ты помнишь, какъ ночью беззвѣдной
Мы шли надъ шумящею бездною?
Туманъ заволакивалъ дали,
И волны во мракѣ рыдали.

Ты помнишь, какъ ночью безлунной
Съ мечтою прекрасной и юной
Мы долго безмолвно прощались,
Сквозь слезы мы ей улыбались?

И ропотъ валовъ монотонный
Звучалъ, какъ напѣвъ похоронный,
Какъ позднее къ счастью воззванье,
Какъ скорбное съ счастьемъ прощанье.

И волны тоскливо шумѣли,
Имъ вторили жалобно ели,
Одни лишь, подъ гнетомъ печали,
Мы въ часъ разставанья молчали:

Какъ узникъ, подвергнутый мукамъ,
Не выдавъ ни словомъ, ни звукомъ
Того, что въ душѣ мы таили,
Что здѣсь навсегда хоронили.

Осеннія мелодіи.

I

Хмурый день. Надъ темной далью лѣса
Съ пожелтѣвшей рѣдкою листвою—
Опустилась сѣрая завѣса
Капель влаги дождевой.

— — —
Какъ дитя, осень ненастье,
Не смолкая, плачетъ за окномъ—
О быломъ-ли невозвратномъ счастье,
Промелькнувшемъ чуднымъ сномъ?

— — —
О красѣ-ль благоуханной лѣта,
О веснѣ-ль, царицѣ молодой?
Но звучитъ во тьмѣ рыданье это
Надрывающей тоской.

— — —
И подъ шумъ и стонъ осенней бури,
Въ безконечно долгіе часы,
Тщетно жду я проблесковъ лазури,
Какъ цвѣтокъ—живительной росы.

— — —
И въ мечтахъ, увы, неисполнимыхъ,
Жажду сердцемъ солнечныхъ лучей,
Какъ улыбки чьихъ то устъ любимыхъ,
Какъ сіянья дорогихъ очей.

II.

Сегодня послѣ дней холодныхъ и ненастныхъ,
Побѣдно разогнавъ гряду тяжелыхъ тучъ,
Привѣтомъ лѣтнихъ дней, безоблачныхъ и ясныхъ,
Опять съ небесъ сіяетъ солнца лучъ.

Листва ласкаетъ взоръ богатою окраской
И, позабывъ туманъ и стужу, и дожди,
Что кажутся теперь несбыточною сказкой—
Невольно ждешь тепла и свѣта впереди.

Сегодня, послѣ дней тяжелыхъ ожиданья,
Тревоги за тебя и ежечасныхъ мукъ,
Читаю я слова завѣтнаго посланья
И отдыхаю вновь душою, милый другъ.

Теперь недавній страхъ мнѣ кажется ничтож-
нымъ,
Въ душѣ, какъ въ небесахъ становится яснѣй,
И снова счастье является возможнымъ,
И вѣрю я опять возврату прежнихъ дней.

III.

Лѣса еще шумятъ обычнымъ лѣтнимъ шумомъ?
Могучимъ, радостнымъ, задорно молодымъ,
И осень блѣдная въ величїи угрюмомъ
Ихъ не обвѣяла дыханїемъ своимъ.

Все также полдень жгучъ, но стали дни короче.
Среди послѣднихъ розъ на зелени куртинъ
Пестрѣютъ лепестки роскошныхъ георгинъ;
Свѣтлѣй—созвѣздїя, и гуще—сумракъ ночи.

Земля—въ расцвѣтѣ силъ и пышной красоты,
И только кое-гдѣ своею желтизною,
Какъ преждевременной печальной сѣдиною—
Смущаютъ взоръ поблекшіе листы.

Межъ яркой зеленью такихъ листовъ немного,
Но, несмотря на свѣтъ, на солнце и тепло—
Мнѣ что-то говорить, что лѣто ужъ прошло,
Что осень близится, а съ нею—день итога.

ПРОБЛЕСКЪ.

2.

Темныя тучи по небу nocturno
Быстро надъ снѣжной поляной клубились,
Грусть навѣвавшія сердцу больному—
Думы въ умѣ проносились.

— —

Выплывъ надъ степью таинственно бѣлой,
Робко луна изъ за тучъ проглянула;
Въ сумрачномъ сердцѣ на мигъ просвѣтлѣло,
Въ сердцѣ надежда блеснула.

— —

Мигъ незабвенный, какъ былъ онъ недолгъ—
Свѣта желаннаго проблескъ летучій.
Снова задернулся дымчатый пологъ,
Въ сердцѣ и въ небѣ—попрежнему тучи!

— —

Зимніе сны.

I.

Ночь темна, догораетъ лампада,
Хлопя снѣга стучатся въ стекло,
Всѣ тропинки сосѣдняго сада
Замело.

Только вьюги я слышу рыданье,
Только ночь безконечно длинна.
Ни движенья, ни звука... Молчанье,
Тишина...

И томлюсь я тяжелымъ кошмаромъ,
Шумъ въ ухахъ, холодѣютъ виски,—
И сжимается сердце не даромъ
Отъ тоски.

Я боюсь, что во тьмѣ непроглядной,
Разгоняя ее предъ собой,
Не блеснетъ, ожидаемый жадно,
Свѣтъ дневной.

И боюсь я, что вьюгой холодной
Замело для меня всѣ пути
И дорогу изъ тьмы безысходной—
Не найди.

II.

Вечерь... Отблескъ отъ камина
Мягко стелется кругомъ,
Только тамъ, въ углу, картина
Темнымъ кажется пятномъ

На коверъ ложатся тѣни,
Словно нити на каймѣ,
И дрожать листы растеній
Въ этой мягкой полутьмѣ.

Не одна я... Здѣсь незримо—
Дорогихъ видѣній рой,
Въ этотъ часъ неуловимо
Возстающихъ предо мной.

Это—призраки мечтаній,
Свѣтлыхъ грезъ и милыхъ лицъ,
Это—призраки страданій
И восторговъ безъ границъ.

И видѣнья эти снова
Что то шепчуть мнѣ безъ словъ,
Но понятнѣй рѣчь былого
Всѣхъ на свѣтѣ голосовъ.

В Ъ Б У Р Ю.

Холодная снѣжная буря
Всю ночь бушевала сурово,
И думалось, очи зажмуря,
Что слышу я стоны больного.

Всю ночь забавлялася вьюга,
Зловѣщею тѣшась игрою,
И голосъ далекаго друга,
Казалось, я слышу порою.

Казалось, я слышу: уныло
Звенить колокольчикъ дорожный,
И сердце болѣло и ныло
И сердце стучало тревожно.

Рыданья полночной мятели
Кругомъ наметавшей сугробы—
То жалобой тихой звенѣли,
То крикомъ ликующей злобы.

И буря-ль во мракѣ рыдала,
Столбомъ поднимаяся снѣжнымъ,
Иль въ сердцѣ она бушевала,
Проснувшись въ порывѣ мятежномъ?

И бѣлые хлопья, влетая,
Кружились надъ снѣжной поляной,
Иль призраковъ бѣлая стая
Изъ тьмы поднялася туманной?—

Не знаю... Но въ вихрѣ уныломъ,
Рыдающемъ въ полѣ открытомъ—
Мнѣ чудились слезы о миломъ,
О чемъ то еще не забытомъ...

Утренняя звѣзда.

Въ небесахъ одиноко звѣзда
Мнѣ сияетъ серебрянымъ свѣтомъ,
И мечтой уношусь я туда,
Гдѣ мерцаетъ, блѣднѣя съ разсвѣтомъ,
Одинокому та же звѣзда.

Поблѣднѣла небесная даль,
Предразсвѣтною дымкой объята,
И рождается въ сердцѣ печаль
О быломъ—можетъ быть, безъ возврата
Отошедшемъ въ туманную даль.

Не сіянія блѣдныхъ лучей
Одинокой звѣзды предразсвѣтной—
Вдохновеньемъ согрѣтыхъ рѣчей
Жаждетъ сердце во мглѣ непривѣтной
Этихъ первыхъ холодныхъ лучей.

Въ вечерній часъ.

I.

Темнѣло. Каймой серебристой
Спустился надъ паркомъ туманъ,
И вѣяло влагой душистой
Съ зеленыхъ луговъ и полянъ.

Померкли блестяшія краски
Вечернихъ небесъ. Тишина
Какой-то загадочной ласки
И грусти казалась полна.

Чуть слышно листы трепетали,
Чуть слышно журчала вода;
Мы шли, сознавая едва-ли,
Какъ долго идемъ и куда?

То было-ли грезой минутной,
Иль годы прошли и вѣка?
Все было неясно и смутно,
Какъ въ небѣ ночномъ—облака.

Въ душѣ, въ сочетаніи странномъ,
Сливались восторгъ и печаль.
Какъ небо—съ вечернимъ туманомъ,
Какъ съ лѣсомъ—стемнѣвшая даль.

II.

Спокойно прозрачнаго озера воды
Дремали въ серебряномъ свѣтѣ луны,
И грезились въ лепетѣ сонномъ природы
Волшебные сны.

Безшумно волна омывала ступени,
Безшумно плескалась въ края береговъ,
Ложились далеко прозрачныя тѣни
Отъ темныхъ холмовъ.

Вся даль потонула въ серебряномъ блескѣ,
Огни, догорая, погасли вездѣ,
Причудливо лунныхъ лучей арабески
Дробились въ водѣ.

Когда же луна исчезала за тучей,
На мигъ омрачавшей собой небосводъ—
Туманъ поднимался волною зыбучей
Надъ зеркаломъ водъ.

И сразу, окутанъ покровомъ тумана,
Мѣнялъ выраженье знакомый пейзажъ,
И все въ немъ казалось такъ призрачно странно,
Какъ дальній миражъ.

Не такъ ли и въ жизни—сіянье и тѣни
Идутъ чередою другъ другу во слѣдъ,
Но длятся въ ихъ странной, загадочной смѣнѣ—
Лишь тѣни—не свѣтъ...

У М О Р Я.

I.

Мы шли тропинкою песчаной и тѣнистой,
Отъ сосенъ вѣковыхъ кругомъ ложилась тѣнь,
Дышала жадно грудь прохладю смолистой
И тихо догоралъ, и гасъ тревожный день.

Надъ нами въ вышинѣ оттѣнками опала
И блѣднымъ золотомъ сіяла глубь небесъ,
Мы тихо шли впередъ и все кругомъ молчало,
И лишь задумчиво шумѣлъ сосновый лѣсъ.

Но вдругъ послышался, вначалѣ еле внятный,
Сливаясь съ шорохомъ и шелестомъ вѣтвей—
Какой-то странный гулъ, глухой и непонятный,
Но разроставшійся могучѣй и сильнѣй.

То не былъ тихій стонъ подавленнаго горя;
О, нѣтъ! Торжественный и равномерный шумъ,
Звучавшій откликомъ, стихійныхъ силъ и думъ—
Его узнали мы. И то былъ голосъ моря!

II.

Въ своей красотѣ и величьи суровомъ,
Лежало оно у прибрежныхъ песковъ;
Холодныя волны съ отливомъ свинцовымъ,
Шумя, разбивались среди тростниковъ.

Здѣсь вѣтеръ, гуляя, игралъ на свободѣ,
Волну за волною гоня предъ собой,
И вторило вѣтру шумѣвшее море,
И вторилъ гудѣвшій во мракѣ прибой.

Темнѣло... Тонули въ туманѣ зыбучемъ
И воды, и дальнихъ небесъ синева,
И здѣсь, передъ голосомъ моря могучимъ,
Невольно въ устахъ замирали слова...

Одинъ только голосъ попрежнему внятно
Звучалъ несмолкаемо въ сердцѣ моемъ,
И властно твердилъ онъ—тебѣ непонятно—
О чемъ?

На закатѣ.

I.

Умиралъ аромать засыпающихъ травъ,
Замирали слова вдохновенныхъ рѣчей,
И, какъ скорбный напѣвъ въ тишинѣ отзвучавъ,
Отзывались въ душѣ потрясенной моей
Отголоски печальныхъ рѣчей.

И вечернихъ огней догоравшій костеръ
Поблѣднѣлъ и погасъ въ наступающей мглѣ.
И презрѣнья огнемъ загорался твой взоръ,
Ты блѣднѣлъ, говоря о ликующемъ злѣ
Въ наступившей безрадостной мглѣ.

Тосковала душа,—и отъ тайнъ бытія
Порывалась въ иной, неразгаданный міръ,
И, казалось, мечта прозрѣвала твоя
За предѣломъ, гдѣ блещетъ небесный эфиръ—
Этотъ чудный таинственный міръ.

II.

Прозрачною дымкой подернулись дали,
Какъ будто простясь съ умирающимъ днемъ;
Ироніи странной и странной печали
Скользили отбѣнки во взорѣ твоємъ.

Земныя тревоги: и злоба, и нѣжность,
Казались въ тотъ мигъ отъ тебя далеки,
Они уходили куда-то въ безбрежность,
Какъ волны катящейся къ морю рѣки.

Въ тиши, напоенной дыханіемъ вешнимъ,
Въ таинственно чуткой вечерней тиши—
Къ невѣдомой грани, къ предѣламъ неадѣшнымъ
Стремилась пытливая очи души.

Блѣднѣли и меркли небесныя дали.
И плещущей тихо о берегъ волнѣ—
Чуть слышно деревья о чемъ-то шептали
Въ своемъ заколдованномъ снѣ.

О, не смѣйся надъ пѣснью печали
И меня за нее не кори:
Тѣмъ, кто долго во мракѣ блуждали,
Тѣмъ не вѣрится блеску зари.

Если сразу темницы затворы
Упадутъ передъ нимъ, зазвеня,—
Непривычные узника взоры
Ослѣпляетъ сіяніе дня.

Онъ не вѣритъ концу испытаній,
И въ словахъ восхищенья живыхъ,
Въ свѣтломъ гимнѣ его ликованій—
Слышно эхо печалей былыхъ.

Такъ не смѣйся-жъ и ты надо мною,
Малодушіемъ дѣтскимъ коря,
Если взоры, что свыклись со тьмою—
Ослѣпляетъ мнѣ счастья заря.

ПЕРВЫЙ СНѢГЪ.

Забѣлѣло... снѣжною пустыней
Кажется заманчивая даль;
Небеса прозрачны, какъ хрусталь,
Блещеть иней.

Снова—царство холода и льда
И безмолвья, словно все живое
Застываетъ въ мертвенномъ покоѣ
Навсегда.

Лѣтнихъ дней волненіе и нѣга,
Боль сомнѣній, трепеть юныхъ силъ—
Все мертво... Холодный саванъ снѣга
Все покрылъ.

Но непрочны зимнія оковы,
Мертвый сонъ забвенья не глубокъ,
И растопить снѣжные покровы
Бурныхъ слезъ прорвавшійся потокъ.

Смоется осенними слезами
Принужденья тягостнаго гнетъ
И растаетъ съ частыми дождями
Снѣга перваго налетъ.

Изъ кавказекаго альбома.

I.

В Ъ Г О Р А Х Ъ.

Какъ царь развѣнчанный, печальны эти горы,
Величья дикаго напрасно ищутъ взоры:
Ихъ недоступности и мощи ихъ—конешъ,
Съ тѣхъ поръ, какъ вторгся въ нихъ непрощенный
пришлецъ...

Гдѣ прежняя краса, съ ихъ прежнею свободой?
Когда, лицомъ къ лицу съ могучею природой,
Легко дышалось тутъ, и горные орлы
Одни лишь рѣяли надъ выступомъ скалы,
И смѣло имъ во слѣдъ стремилась мысль поэта
Въ обитель горную, въ страну любви и свѣта.

— —

Порою воскресить пытаюсь я мечтой
Былую красоту въ ея величьи прошломъ,
Но будничная жизнь, во всеоружьи пошломъ,
Съ ея шумною и пестрой суетой—
Въ мѣръ дивныхъ призраковъ вторгается побѣдно,
И гаснутъ образы волшебные безслѣдно,
Какъ отблескъ золотой—въ вечернихъ небесахъ,
Какъ отголоски арфъ—въ крикливыхъ голосахъ.
И поднимая взоръ, печалью омраченный,
Къ темнѣющимъ вокругъ, развѣнчаннымъ горамъ—
Я вижу въ нихъ—толпѣ на жертву обреченный,
Когда-то славный храмъ.

— —

II.

Б Е З Д Н А .

Темная бездна влечет неотступно меня.
Тщетно стремлюсь я къ сіянію свѣтлаго дня,
Тщетно слѣжу за игрой золотистыхъ лучей:
Сердцу милѣе, милѣй для усталыхъ очей
Сумракъ ушелья, гдѣ—бѣшено дикъ и глубокъ—
Съ шумомъ и блескомъ бѣжитъ своенравный по-
токъ.

Чутко душою ловлю я таинственный гулъ:
Смѣхъ и рыданья, веселья безумный разгулъ,
Странныя чары, несбыточно дивные сны—
Грезятся мнѣ въ переливахъ мятежной волны.
Шепчуть мнѣ волны: „Любуешься розами ты;
„Знай же: прекраснѣй—волшебные бездны цвѣты.
„Тотъ, кто вдохнулъ опьяняющій ихъ ароматъ,
„Вѣчно томится, желаніемъ смутнымъ объять,
„Онъ, презирая доступный для смертнаго даръ,
„Жаждетъ душою иныхъ, неизвѣданныхъ чаръ;
„Все въ этомъ мірѣ и чуждо ему, и мертво:
„Темная бездна влечетъ неотступно его“

III.

ГОРНАЯ ДОРОГА.

Полдень жжетъ. Иду я въ гору...
Каменистыя громады!
Нѣтъ нигдѣ отрады взору
И для сердца нѣтъ отрады.

— —

Тяжелѣе—путь песчаный,
Смѣны нѣтъ камнямъ и зною,
Отъ акацій запахъ пряный
Рааливается волною.

— —

По дорогѣ каменистой,
Поднимая за собою
Тучу пыли золотистой,
Побрели воны съ арбою.

— —

Коростель неугомонный
Все твердить мотивъ знакомый,
Умъ охваченъ полусонной,
Непонятною истомой.

— —

Шагъ еще—и полной грудью
Вновь дышу я на вершинѣ,
И къ безмолвью и къ безлюдью
Всей душой я рвуся нынѣ.

Здѣсь стихаетъ гуль нестройный.
Отзвукъ шума городского,
Величавый и спокойный—
Вижу я Кавказъ былого.

Небо, горы... Надъ пустыней
Паръ клубится изъ расщелинъ,
Вьется онъ въ лазури синей,
Какъ куренья изъ молеленъ.

Гдѣ раздоры? Гдѣ насилья?
Гдѣ борьба за крошки хлѣба?
Духъ людской, расправивъ крылья,
Какъ орель, уходитъ въ небо.

IV.

ПАМЯТИ ЛЕРМОНТОВА.

Тянутся горы далекою цѣпью,
Коршунъ въ лазури кружится надъ степью,
 Вѣтеръ качаетъ ковыль,
Вѣтеръ повѣялъ вечернею лаской,
Въ сердцѣ воскресла волшебною сказкой
 Старая быль.

— — —

Здѣсь у подножья горы-великана,
Въ заревѣ молній, во мглѣ урагана,
 Паль онъ—пѣвецъ молодой,
Тамъ, гдѣ пышнѣй разрослася осока,
Бысится въ горной степи одиноко
 Камень сѣдой.

— — —

Люди, въ стремленьѣ къ наживѣ упорномъ,
Путь проложили къ вершинамъ нагорнымъ,
 Грозный разрушивъ оплотъ;
Умеръ Кавказъ непокорный и дикій,
Пали твердыни,—одинъ лишь великій
 Геній поэта—живетъ.

1889—1892 года.

М о л и т в а .

Тучи темныя нависли
 Низко надъ землею,
Сонъ оковываетъ мысли
 Непроглядной мглой...

Воли нѣтъ, слабѣютъ силы,
 Тишина вокругъ...
И спокойствіемъ могилы
 Охватило вдругъ.

Замираютъ въ сердцѣ муки...
 На борьбу опять
Опустившіяся руки
 Нѣту силъ поднять.

Голова въ изнеможенъѣ
 Клонится на грудь...
Боже мой. Услышь моленье,
 О, не дай заснуть.

Этотъ сонъ души мертвящій
 Бурей разгони,
И зажги во тьмѣ царящей
 Прежніе огни.

Передъ грозой.

Темнѣть... Черныхъ тучъ несутся вереницы,
Долина и холмы окутаны мглой,
И съ крикомъ носятся испуганныя птицы,
Кружатся низко надъ землею...

Все стихло—странною, зловѣщей тишиною,
Но скоро молнія блеснетъ изъ темныхъ тучъ,
И вихрь поднимется надъ сонною рѣкою,
И грянетъ громъ—ужасенъ и могучъ...

И сердце у меня такой же мглой объято,
Такія-жъ облака сулятъ и мнѣ бѣду,
И въ страхѣ перваго громоваго раската
Я также жду...

(Памяти моей няни Е. Е. Ф.).

Могила скромная въ тѣни дубовъ зеленыхъ
И скромный бѣлый крестъ
Среди крестовъ другихъ, вѣтвями осѣненныхъ
Что въ полѣ широко раскинулись окрестъ.

— — —

Могила скромная, гдѣ травка полевая
Изъ подъ оттаявшей пробилася земли,
И легкій вѣтерокъ, со вздохомъ пролетая.
Колышетъ тонкіе стебли.

— — —

Въ ней ты нашла себѣ успокоенье;
Живя не для себя, ты знала лишь одни
Труды, страданія и самоотверженье...
Миръ праху твоему! Спокойно отдохни.

* * *

Осенній ясный день. Не шелхнутся клены
И стебли тонкіе желтѣющей травы
И солнце золотить причудливые тѣны
Полуувянувшей пурпуровой листвы.

Поблекнувшей листвѣ какъ будто придавая
На мигъ красу и цвѣтъ—оно горитъ на ней,
Но вотъ угаснетъ день, и землю усыпая
Багряно-желтый листь посыплется съ вѣтвей.

Такъ иногда и ты, позабывая горе,
Вдругъ оживляешься: румянецъ на щекахъ,
Въ рѣчахъ—знакомый пылъ и вновь огонь во взорѣ.
И снова—прежняя улыбка на устахъ.

Но это—лишь на мигъ. О томъ, что позабыто
Ты вспомнишь,—и въ очахъ опять померкнетъ свѣтъ.
Въ душѣ, тяжелыми невзгодами разбитой,
Нѣтъ жизни, какъ ея въ листь поблекшемъ нѣтъ.

* * *

Если снѣжныя вершины
Озарить весенній лучъ—
Разорвавъ снѣговъ плотины,
Хлынуть съ силою въ долины
Воды съ кручь.

Если думы и волненья
Въ сердцѣ зрѣютъ, какъ зерно—
Имъ налиться въ пѣснопѣнья
Суждено.

Если плѣнъ снося суровый,
На цѣпи орелъ живетъ—
Онъ когда-нибудь оковы
Разорветъ.

И когда нигдѣ просвѣта
Не видать, и мракъ глубокъ—
Это значить: мигъ разсвѣта
Недалекъ.

* * *

Когда посеяно зерно
Добра, и правды, и свободы—
Придетъ пора: и дастъ оно
Благіе всходы.

Когда отъ дольной суеты
Стремится духъ въ обитель свѣта—
Влечетъ къ святынѣ красоты
Мечту поэта.

Когда сильнѣй порывы бурь,
Когда кругомъ бушуетъ вьюга—
Намъ грезятся: небесъ лазурь
И зелень луга.

Когда упасть готовы мы,
Какъ срѣзанный на нивѣ колось—
Намъ часто слышится изъ тьмы
Призывный голосъ.

И вновь—герои, не рабы—
Мы поднимаемся изъ праха,
Для жизни новой, для борьбы,
 Не зная страха.

Пусть говорятъ: пророковъ нѣтъ
И къ пониманью сердце глухо—
Надъ міромъ злобы и суетъ
 Есть царство духа.

Есть царство свѣта и добра;
Надъ ложью призрачной и блѣдной
Оно блеснетъ—придетъ пора—
 Зарей побѣдной!

Оглавленіе.

Осенніе вихри 1906—1907.

I.

	стр.
Осенніе вихри I—VI.	5.
Листопадъ I—II.	12.
Бурною ночью	14.
Въ туманѣ.	15.
Звѣзды I—II	16.
Снѣга	18.
Туманы I—III.	19.
Памяти Надсона	22.
Мертвый штиль.	24.
Пробужденіе весны I—III	25.

1902—1905.

Albumblätter .

Предчувствіе	31.
У сѣвернаго моря	32.
Гребецъ	33.
Высохшій ручей	34.

Изъ крымскихъ набросковъ.

Потопъ.	37.
Лунный слѣдъ	38.
Вечеръ.	39.
Прибой.	40.

Наканунѣ увяданья.

1894—1897.

Наканунѣ увяданья I—IV	43.
Разлука	47.
Осеннія мелодіи I—III	48.
Проблескъ	51.
Зимніе сны I—II	52.
Въ бурю.	54.
Утренняя звѣзда	56.
Въ вечерній часъ I—II	57.
У моря I—II	59.
На закатѣ I—II	61.
О, не смѣйся надъ пѣснью печали.	63.
Первый снѣгъ	64.

Изъ кавказскаго альбома.

Въ горахъ.	67.
Бездна.	68.
Горная дорога	69.
Памяти Лермонтова.	71.

1889—1892.

Молитва	75.
Передъ грозой	76.
Могила скромная	77.
Осенній ясный день	78.
Если снѣжныя вершины	79.
Когда посѣяно зерно	80.